

**KASSEL LITERARY PRIZE
THE ART PRIZE OF ZURICH
THE JOHANN-PETER-HEBEL-PREIS**

Франц Холер
СТУК

**«Трудно избежать затягивающей
воронки этого текста».**

Нойе цюрихер цайтунг

Франц Холер

Стук

«РИПОЛ Классик»

2007

УДК 821.112.2
ББК 84(4Шва)6-44

Холер Ф.

Стук / Ф. Холер — «РИПОЛ Классик», 2007

ISBN 978-5-386-10589-1

Франц Холер – известный швейцарский писатель, драматург и автор песен. Человек, которого критики называют классиком, национальным достоянием и уникальным явлением в мировой литературе. Роман «Стук» произвел впечатление на европейскую читающую публику, потому что оправдал все ее ожидания: здесь есть и увлекательный, даже захватывающий сюжет, и реальная жизненная история. Но главное – это превосходный стиль изложения, богатый язык, ненавязчивая интеллектуальность.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Шва)6-44

ISBN 978-5-386-10589-1

© Холер Ф., 2007
© РИПОЛ Классик, 2007

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Франц Холер

Стук

© 2007 by Luchterhand Literaturverlag, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, Munchen, Germany

Original title: Es klopft by Franz Hohler

© Куприянов В. Г., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

1

Уже целый час он ворочался в постели и никак не мог заснуть. Лежал ли он на спине, на животе, на левом или на правом боку, сон не шел. Такого с ним давно не случалось. В свои пятьдесят лет он обычно настолько уставал к вечеру, что, прочитав в постели пару страниц какой-нибудь книги, он гасил настольную ночную лампу, чуть слышно со своего боку желал жене спокойной ночи и через несколько мгновений засыпал. И лишь когда мочевого пузыря напоминал ему о себе в два или три часа ночи, бывало так, что затем он уже не мог заснуть сразу, тогда он вставал, снова брал в руки книгу и тихо выскальзывал из общей спальни в свой рабочий кабинет, устраивался там на диване и читал, пока у него не слипались глаза.

Он думал о завтрашнем дне, будет понедельник, а это значило, что его ожидает напряженный рабочий день. В половине одиннадцатого он и его жена отошли ко сну, но светящийся циферблат его часов указывал, что уже почти полночь, он видел, как неумолимо сокращается время отдыха, ибо утром ровно в шесть безжалостно прозвенит будильник. Что делать – встать и удалиться в свой рабочий кабинет с книгой в руках? Он опасался, что так он может разбудить жену, и тогда ему не избежать ее вопроса, почему он не спит. А она непременно спросит, почему он не спит. Тогда ему придется что-нибудь соврать. Порой, когда он совершал какую-то врачебную ошибку или если сталкивался с трудным диагнозом, чреватым осложнениями, что, к счастью, бывало редко, тогда вдруг среди ночи перед его глазами возникал этот несчастный пациент и не отпускал его в сладкие объятия Морфея. На такой случай в его домашней аптечке была упаковка рогипнола, но его угнетала сама необходимость прибегать к наркотическому средству, к тому же он не всегда был уверен в выборе дозировки. Если он принимал целую таблетку, тогда он засыпал быстро, но зато с трудом пробуждался и вынужден был все последующее утро бороться с вялостью; если принимал только полтаблетки, то этого не всегда хватало, чтобы заснуть, да к тому же все равно весь следующий день он чувствовал себя разбитым. Все зависело от серьезности проблемы, принимать целую таблетку или только половину.

Сегодня перед ним стояла весьма серьезная проблема.

Наконец он встал и тихо проскользнул в ванную комнату. Он вынул свою зубную щетку из стакана, прополоскал его, наполнил водой и взял из аптечки на стене целую таблетку рогипнола. Какой-то момент он разглядывал ее, потом поднялся по лестнице в свой рабочий кабинет с таблеткой в одной руке и стаканом – в другой. В призрачном, рассеянном свете, проникающем с улицы, он осторожно подошел к письменному столу, поставил стакан, рядом положил таблетку и включил настольную лампу.

Затем он откинулся в кресле и задумался.

Когда точно это произошло? Двадцать два или двадцать три года назад? Тогда он почти не понял, как же это случилось, как будто все это произошло вовсе не с ним. Постепенно он свыкся с тем, что так или иначе, но это случилось, изменить он уже ничего не может, он никому об этом не рассказывал, быстро бегущее время с каждым днем отодвигало этот случай все дальше на задний план, и в конце концов он стал считать тот случай отошедшим в далекое прошлое. Но сегодня ему внезапно стало ясно, что только в судебной практике может существовать срок давности, но отнюдь не в реальной жизни. Он мог считать себя в каком-то смысле другим человеком в то время, но в его удостоверении личности стояло все то же имя, Мануэль Риттер, и эта его личность призвана теперь к ответу. Он предстал сам перед своей совестью, которая заняла место судьи и ударила по столу своим молоточком в ответ на его попытку найти слова в свое оправдание.

Он глубоко вздохнул и выдвинул ящик письменного стола. Это было так давно, что он уже не помнил точно, куда он спрятал этот конверт.

Он вынул свои документы, среди которых были его служебное удостоверение, справка о прививках и копии его дипломов о медицинском образовании, общем и специальном, оригиналы которых висели в его кабинете, и выложил все это на письменный стол. Когда он взял в руки стопку писем, вошла его жена и положила ему на плечо руку.

– Юлия, – сказал он, – ты меня напугала.

– Смотри-ка, – сказала она, – мои письма. – Женщина слегка провела рукой по его волосам. – Тебя беспокоит, что наш сын так влюблен?

– Действительно, – сказал он, – мы становимся старше на целое поколение.

Их сын сегодня впервые представил родителям свою новую подругу, которую он все последнее время расписывал им с небывалым восторгом.

– Ну, – спросила жена, – о чем я там тебе писала?

Она с улыбкой посмотрела на свои письма с почтовыми марками с изображением испанского короля.

– Я как раз хотел... прости, лучше бы я это перечитал один, – сказал он.

Жена снова положила ему на плечо руку:

– Надеюсь, потом ты сможешь все-таки уснуть.

Он взял ее за руку:

– А ты тоже хранишь мои письма?

– Естественно, – улыбнулась она, – но не будет ли лучше, если ты сейчас примешь свою таблетку. Спокойной ночи, милый.

Женщина склонилась над ним и поцеловала его в затылок.

Он повернулся и обхватил ее голову обеими руками:

– Спокойной ночи, Юлия.

Когда жена вышла из комнаты, он почувствовал себя одиноким, словно ребенок, мать которого, закрыв за собой дверь, оставила его в постели наедине с ночью.

Потом он проглотил таблетку и запил ее полным стаканом воды.

То, что он искал, это были вовсе не ее письма.

Это было нечто другое. Это было единственное, что напоминало о той случайной истории, которая вдруг снова ожила у него перед глазами, как будто это произошло только вчера.

2

Доктор Мануэль Риттер 5 мая 1983 года на вокзале в Базеле вошел в вагон первого класса поезда, следующего в Цюрих.

Как только он нашел два свободных места, на одно из них он поставил свой чемоданчик, снял плащ, повесил его на крюк наверху и затем сел, все еще тяжело дыша. Мануэль явно опаздывал, но, войдя в здание вокзала, он сразу заметил на большом табло, что его поезд, который должен был уже уйти, все еще не отправлен, и он почти бегом бросился на перрон через подземный переход и успел вскочить в вагон.

Поезд тронулся, и тут кто-то вдруг постучал в окно вагона, на доктора смотрела какая-то женщина – проникновенно, словно с просьбой о помощи, – она сделала еще несколько шагов по перрону в сторону движения поезда и затем исчезла из его поля зрения.

Пожилая пара на другой стороне прохода посмотрела на это с некоторым удивлением, Мануэль улыбнулся, пожал плечами и покачал головой.

Потом он откинулся на сиденье, в то время как поезд тащился через разные железнодорожные стрелки, словно пытаясь нащупать свой путь из города, и с одной из стен прямо в лицо Мануэлю какой-то ковбой протягивал свои дырявые сапоги, в которых он наверняка прошагал немало миль ради рекламы своей сигареты.

Уже появился мини-бар и на весь вагон раздался веселый голос южанина: «Кофе, чай, минеральная вода!» Мануэль не смог устоять. Хотя он сегодня уже принял свою дозу кофеина, от кофе он не отказался. Мануэль пожалел об этом уже после первого глотка, еще какое-то время он не отводил взгляда от пронесившихся мимо уродливых высотных зданий, мрачных звукозащитных стен и развязок автобана, потом он открыл свой чемоданчик и достал оттуда папку с бумагами. Он был врач, специалист по «ухо-горло-носу», уже три года у него была своя практика, и он ехал сейчас с конференции по тиннитусу. Два английских врача сделали утром сообщение об электростимуляции, и после обеда были представлены результаты новой медикаментозной терапии, после чего разгорелась дискуссия. Оба эти доклада ничем его не порадовали. Он еще раз просматривал таблицы с процентными данными и только тогда услышал голос кондуктора, когда тот нетерпеливо склонился над ним. Кондуктор вернул Мануэлю пробитый билет и тут же обратился к нему еще с каким-то вопросом, он его не расслышал. «Простите?» – улыбнулся Мануэль, и тогда кондуктор повторил вопрос, а именно: не желает ли он приобрести себе льготный пятидесятипроцентный проездной абонемент? Мануэль пробурчал, что он почти не ездит на поездах, на это кондуктор, молодой блондин с колечком в левом ухе, доверительно сообщил, что достаточно трех таких поездок в году, чтобы это уже стало рентабельным, и тут же вручил ему соответствующий проспект.

Мануэль кивнул и начал вместо своих таблиц читать этот проспект, где наряду с прелестнейшими ландшафтами ему были обещаны всевозможные специальные акции и скидки, воспользоваться которыми у него не было никакого повода. Он регулярно ездил с женой и детьми на дачу в Энгадине, там он отдыхал и летом и зимой, и для перевозки всей семьи с зимним снаряжением железная дорога вовсе не годилась. Вчера вечером Мануэль поставил свою машину на техобслуживание, поэтому сегодня в Базель он ехал поездом, но после его возвращения машина снова будет стоять перед его домом: на своего техника он мог положиться.

Когда Мануэль проснулся, поезд уже подъезжал к Цюриху. Он быстро сунул недочитанные бумаги в свой чемоданчик, железнодорожный проспект он оставил, перекинул плащ через руку, вышел из вагона и направился на одиннадцатый путь, куда прибывали и откуда уходили поезда, следующие вдоль правого берега Цюрихского озера. Хотя Мануэль из Базеля

выехал с опозданием, он все же успел на нужную ему пересадку, время которой он указал своей жене перед отъездом. Поезд как раз подошел, высадив немалую толпу пассажиров. Было около восьми часов вечера, город издал свой призывный клич, разнесшийся далеко по всей окрестности, обещая развлечения, которых никогда не хватает в полной мере: кино, музыка, танцы, женщины, непредсказуемая жизнь.

Зов посетить город был мощнее, чем необходимость его покинуть, и вагон, в который сел Мануэль, был наполовину пуст. Экспресс Золотого берега – так в шутку окрестили поезд, на котором приехал Мануэль, – был составлен из красных вагонов и курсировал только по правому берегу Цюрихского озера. Известно, что именно здесь проживает наиболее состоятельная часть населения. Когда Мануэль и Юлия поженились, они еще жили в трехкомнатной квартире в Цюрихе, но четыре года назад им удалось купить дом в Эрленбахе, так что теперь и они принадлежали к Золотому берегу, хотя бы они этого или нет. Юлия чувствовала от этого некоторое неудобство.

Мануэль смотрел в окно на платформу.

Эта женщина в Базеле, что ей было от него нужно? Был ли он с ней знаком? Для Мануэля не была необычной ситуация, когда с ним здоровались люди, а он их не узнавал, иногда это были его прежние пациенты, которых он видел всего два-три раза, и сегодня на конференции с ним заговорила одна дама из ординатуры, ей пришлось снова ему представиться, прежде чем он вспомнил, с кем имеет дело. Подобные встречи досаждали Мануэлю, ему хотелось бы обладать отличной памятью, чтобы люди, с которыми ему приходилось встречаться, были собраны в его голове готовыми к выходу, словно в зале ожидания, и он мог бы в любое время назвать каждого из них по имени.

Мануэль сразу отверг мысль, что эта женщина была на конференции, среди участниц он не вспомнил ни одной, похожей на нее, и среди его пациенток подобное лицо не приходило ему на память. У нее были темные волосы, пышные, схваченные сзади в пучок тонкой красной лентой. Ее глаза? Скорее темные, что-то между карими и черными, и в ее взгляде была, пожалуй, не только просьба, но и уверенность, почти требование, как если бы речь шла о крайней необходимости. Но откуда она могла знать, что он врач? Жительница Энгардина, знакомая с ним как с соседом по даче? Ему был понятен такой феномен, когда кого-то видишь за прилавком магазина или за стойкой отеля, но встречаешь вдруг совсем в другом месте и уже не можешь узнать. Однако Мануэль никак не мог связать внешность этой женщины ни с одним известным ему местом. А если она не была с ним знакома, что же ей от него было нужно? Быть может, он что-то выронил на вокзале, когда спешил на поезд? Но у него все было на месте, да и у незнакомки в руках ничего не было.

Следовало ли Мануэлю на это как-то отреагировать? Для него это было слишком неожиданно, чтобы успеть открыть окно, а для того, чтобы нажать на стоп-кран, явно не было причин. Мануэлю, однако, явно льстило, что весьма симпатичная женщина, где-то его возраста, явно что-то от него хотела. Если бы все было наоборот, женщина сидела в вагоне поезда, а он, стоя на платформе, постучал бы в ее окно, то это можно было оценить как приставание. Можно ли предположить, что эта женщина «приставала» к нему таким образом? Какой в этом смысл, когда поезд уже в движении? Была ли это просто шалость или это был жест отчаяния? Кто-то преследовал ее и она взывала к помощи? Не следует ли сообщить об этом полиции в Базеле? Может быть, она просто сумасшедшая? Беглянка из психиатрической клиники? Или она всего лишь с кем-то его перепутала?

Мануэль вздрогнул, когда кто-то стукнул в окно. Это его жена стояла на перроне в Эрленбахе с маленьким Томасом на руках, и он едва успел быстрыми прыжками добежать до выхода и выскочить наружу, прежде чем поезд покатило дальше в сторону Херлиберга.

– Юлия, – сказал он с улыбкой и поцеловал ее в щеку, – я еле успел. – Потом взял на руки Томаса: – И ты тоже меня встречаешь, Томи? Это очень мило.

- Миам спит, – сказал Томас.
- О чем же ты так задумался? – спросила Юлия. – Ты выглядел таким сосредоточенным.
- О конференции, – ответил Мануэль, – там было много интересного.

3

Юлия открыла дверь «рено» на вокзальной площади; на заднем сиденье спала годовалая Мириам в детском комбинезоне.

– Миам спит, – громко сообщил Томас.

– Тсс, – улыбнулся его отец и прижал палец к губам.

Юлия посадила мальчика на детское сиденье и попыталась тихо закрыть дверь, но это ей не удалось, звук был достаточно силен, чтобы разбудить Мириам, и та заплакала.

– Ничего, – сказал Мануэль, который занял свое место впереди, откинулся назад и продолжил: – Мириам, посмотри, кто здесь. Мири, Мири, Мири! – При этом он покрутил пальцами и подмигнул дочке.

Но Мириам было неинтересно смотреть, кто это здесь, она продолжала капризничать.

– Мы скоро будем дома! – повысила голос мать и завела машину.

Мириам не переставала плакать.

– Тише, Мириам! – приказал ей Томас.

– Оставь ее, Томас, пусть плачет, если ей так нравится, – сказала Юлия несколько раздраженно и потом попросила мужа дать малышке соску, которая, несомненно, находится в одном из кармашков ее детского комбинезона.

Мануэль перегнулся через сиденье Юлии и попытался выудить пустышку, но так и не нащупал ее.

– Мне кажется, ты должна остановить машину, – сказал он.

– Ну, нет, – отрезала Юлия, – потерпите еще немного.

Мириам ревела.

– Мириам, тише! – прикрикнул Томас.

Мануэль попытался взять власть в свои руки:

– Томасу самому надо быть потише!

Томас воспринял это как обиду.

– Томас не хочет потише! – крикнул мальчик и в свою очередь тоже заплакал, упрямо и капризно.

Вот так катился темно-зеленый автомобиль в гору, шум мотора соперничал с безутешным детским ревом; разумность и безрассудство были равномерно распределены среди четверых существ, сгрудившихся внутри мчащейся машины; за плечами двоих разумных была высшая школа; Мануэль теперь занимался структурой внутреннего уха, а Юлия – заимствованием согласных из латыни в испанский язык, и оба они не понимали, почему несмышленных малышей волнует исключительно их собственное неудобство.

Они медленно поднимались на своем французском автомобиле по склону швейцарского холма, образовавшегося в виде боковой морены после отступления ледника в горы десять тысяч лет назад. Теперь этот холм был усеян террасами с виллами и особняками, откуда через заборы свешивались ветви цветущей сирени, шиповника и калины, а из садов доносились дымный запах гриля и рокот электрических газонокосилок, возвещающая наступление мирного майского вечера. Рано утром, когда Мануэль выезжал из дому, шел дождь, а теперь последние лучи солнца уже отбрасывали свои длинные тени на крыши, на деревья и ограды, и все вокруг казалось чисто вымытым.

Чтобы въехать в свой гараж, им надо было под острым углом свернуть налево с идущей вверх улицы и по небольшому пролету круто спуститься вниз. Томас и Мириам, которые все еще безутешно ревели на заднем сиденье, потом, когда подрастут, назовут этот спуск «адскими воротами».

Густой кустарник перед въездом и над стеной на склоне горы скрывал от взгляда их рыцарский замок.

Он был построен в тридцатые годы на склоне таким образом, что над его нижним этажом можно было увидеть лишь половину пространства, занимаемого двумя верхними этажами. Подвальный гараж был достроен позже, вследствие чего растущий на склоне сад прерывался плоской зеленой поляной, которой суждено было стать со временем любимым местом игр детей.

Пристройка в виде башни с одной из сторон здания с эркерными окнами на каждом этаже являла собой попытку архитектора избежать упрека в мещанстве. Балкон на третьем этаже был довольно узок, ему не хватало, что можно было сказать и обо всем доме, некоторой масштабности. Юлия заявила однажды, этот дом выглядит как чиновник в несколько тесном для него выходном костюме. Она любила подобные сравнения.

Тем не менее в доме для всех было достаточно места, в этом Мануэль убедился, когда три года назад им срочно понадобилось новое помещение.

Они сняли этот дом вскоре после рождения Томаса, когда им стала тесна их квартира в Цюрихе. Хозяйка переехала в дом престарелых, а в оставленном ею доме никто из ее родственников жить не пожелал. Всей этой недвижимостью управлял старший сын пожилой женщины, он любезно предложил Мануэлю не спешить с покупкой, заявив, что продажа дома всего лишь вопрос времени, пока его мать все еще очень привязана к этому месту, – и в договоре об аренде было оговорено условие о преимущественном праве покупки. Мануэль был тогда еще только старшим ассистентом, его жена преподавала в кантональной школе Ветцикона итальянский и испанский на полставки, так что это предложение их весьма устраивало. Для покупки такого дома у них тогда не хватило бы средств. Годом позже Мануэль мог уже начать свою практику, что опять-таки было связано с затратами, и еще через два года появилась на свет Мириам. Пройдет еще три года, и тогда они уже созреют для покупки этого дома, но пока они еще не знают об этом – сейчас, когда въезжают в ворота.

Юлия затормозила, открывая гараж с помощью дистанционного устройства, Мануэль вышел, чтобы подогнать свой комби, который стоял на обочине улицы у одного из входов в дом.

Когда Мануэль осторожно поставил свою машину у стены между машиной жены и рядами лыж и санок, Юлия с детьми уже вышли, и Томас опустился на колени возле своего детского кресла.

– Миам не плачет, – сказал он и указал отцу на свою сестренку, которая мирно посасывала пустышку.

– А Томас? – спросил Мануэль.

– Томас тоже не плачет.

– Браво, – ухмыльнулся Мануэль и поднял правой рукой кресло с маленькой дочерью. В левой он держал портфель с перекинутым через него плащом.

– Папа ручку, – потребовал Томас.

Папа показал на свободную руку матери, но Томас отмахнулся.

– Папа ручку, – повторил малыш и остался стоять неподвижно, в то время как его отец уже подходил к двери дома.

– У папы только две руки, – сказала Юлия и протянула сыну руку, – пойдешь с мамой.

Но Томас явно не хотел идти на компромисс и снова потребовал папину руку.

Мануэль спросил Юлию, не возьмет ли она у него папку и плащ, но Юлия возразила, что не следует всегда потакать малышу, он вполне может обойтись и маминой рукой, однако Томас, когда мать потянулась к нему, снова отдернул руку и уселся на пол в гараже.

– Ну и сиди там, – сказала ему Юлия и тоже пошла к двери.

Мануэль тем временем уже открыл дверь левым локтем и придерживал ее ногой.

– Что теперь? – спросил он у жены, которая уже поднималась по лестнице.

– Пусть сидит там, – ответила она безучастно, поднимаясь вверх по лестнице: Томас уже достал ее сегодня.

Мануэль со вздохом придержал дверь, вставив в проем свой портфель, вернулся к ноющему сыну и с раздражением взял его за руку.

– Все, хватит, давай вставай, – приказал он, но мальчишка не повиновался, продолжая сидеть на коленках.

Когда и второй его призыв не подействовал, отец проволоком ребенка по масляному пятну, не замеченному им сразу, до двери, которая тем временем прижала портфель к порогу, а кусок его плаща застрял в дверном проеме.

И с дочкой было не все в порядке, Мириам выронила свою соску и, разбуженная нытьем брата, опять заревела.

– Юлия, – крикнул Мануэль, – не могла бы ты к нам спуститься?

Но Юлия не спешила спускаться, она не дала никакого ответа, и зов Мануэля о помощи затерялся где-то в трех этажах просторного дома.

И вот востребованный отоларинголог один тащит своих малюток вверх по гаражной лестнице, спрашивая себя, как все это так получилось и чего он добился в жизни, пока изучал медицину, исследовал, обследовал и лечил.

4

Это случилось где-то неделей позже, напряженный день уже близился к концу. Мануэль преобразился в господина доктора Риттера, он заглядывал в уши, носы и глотки, обследовал воспаленные голосовые связки, искривленные носовые перегородки и покрасневшие миндалины, составлял аудиограммы, прописывал антибиотики, лечил резкое ослабление слуха, выявил один случай тиннитуса, обнаружил у одного больного рак горла и в довершение всего выбился из своего почасового графика. Он уже заканчивал последнюю консультацию – выписывал старой глуховатой пациентке рецепт для изготовления слухового аппарата у мастера, с которым он сотрудничал, – и тут вошла фрау Ризен, его ассистентка, уже в верхней одежде, и спросила Мануэля, не нарушит ли это его планы, если она уже сейчас уйдет на свою вечернюю переподготовку. Пожалуйста, сказал он, ведь его уже больше никто не ожидал.

Это не так, возразила ассистентка, только что пришла какая-то дама, которую ей не удалось выпроводить. Она должна ему что-то передать с конгресса по тиннитусу, это ненадолго, уверяла она, и сейчас она ожидает в приемной. Аннета Ризен была младшей из двух ассистенток Мануэля, похожая скорее на девочку, чем на женщину, с короткой мальчишеской стрижкой; она всегда улыбалась и очень старалась соответствовать своей должности.

Доктор Мануэль Риттер очень удивился.

Может быть, это представительница аптечного бизнеса, которая намерена всучить ему какой-нибудь медикамент с незначительной скидкой? Или она попытается вовлечь его в тестирование нового препарата? В любом случае он решительно не пойдет ни на то, ни на это.

Мануэль передал пациентке адрес мастера слуховых аппаратов, который записал четко печатными буквами, затем проводил старушку в коридор, помог надеть пальто, попрощался и закрыл за ней дверь.

Затем он подошел к приемной, дверь в которую была открыта, и остолбенел.

Под его швейцарскими дипломами в позолоченных рамках сидела, заложив ногу за ногу, женщина в легкой светлой блузке и черном жакете, с янтарным ожерельем на шее, красной лентой на лбу, ее волосы были собраны на затылке в пучок, и это была, без сомнения, та женщина, которая в Базеле постучала в окно его вагона. Она сидела здесь и смотрела на Мануэля тем же проникновенным взглядом.

Он помедлил и наконец произнес:

– Добрый день, фрау...

– Вольф, – ответила женщина. – Ева Вольф.

При этом она не выразила никакого намерения подняться.

– Прошу, – сказал Мануэль и сделал свой обычный жест, приглашающий в кабинет.

Обычно он при этом держал в левой руке историю болезни пациента, которую ему уже подготовила его ассистентка, а правой рукой указывал в сторону коридора. Когда у него ничего не было в левой руке, как сейчас, он повторял этот жест правой рукой. Это сопровождалось легким поклоном.

– Мы можем побеседовать и здесь, – сказала дама, – я к вам пришла не как пациентка.

И она пригласила Мануэля присесть.

Это было не в его правилах сидеть с кем-нибудь в комнате ожидания. Он снова помедлил, затем сел рядом с ней, но так, чтобы между ними оставался еще стул, и еще раз посмотрел на нее.

– Значит, это были вы, – сказал он затем, – в Базеле, в момент, когда я уже сидел в поезде?

– Да, – кивнула женщина, – это была я.

– Но мы, кажется, не знакомы? – Ее голос показался Мануэлю, тем не менее, знакомым, хотя тогда она ничего не говорила.

Женщина улыбнулась:

– Нет, пока нет.

Она стала левой рукой играть своим янтарным ожерельем, продолжая пытливо рассматривать врача. Мануэль заметил вопрос в ее взгляде и понял, что ему следует поскорее добиться ясности.

– И что же вы хотите от меня?

Женщина продолжала наматывать часть своей цепочки на указательный палец. Потом она остановилась.

– Ребенка, – сказала она.

Мануэль вздернул брови и открыл рот, чтобы что-то сказать, но язык не повиновался ему. Он уставился на нее, на эту женщину, которая сидела перед ним в комнате ожидания, и, однако, все это было далеко от всего, что он мог бы считать привычным.

– Ребенка? – повторил он с таким удивлением, как будто ослышался.

– Да, – сказала Ева и посмотрела на Мануэля так откровенно, что он опустил глаза.

Мануэль поднялся:

– Но, фрау Вольф...

– Я не сумасшедшая, – сказала она и тоже встала.

К удивлению Мануэля, женщина оказалась почти одного с ним роста.

– Я этого не говорил, – сказал он, – но...

– Но вы, наверное, так подумали.

– Нет, но вы должны согласиться, что это... несколько...

Мануэль покачал головой, пытаясь найти нужные слова.

– Несколько необычный способ, чтобы завести ребенка, – подсказала женщина.

– Это в какой-то степени то, что я хотел бы сказать. И мне очень жаль, но я здесь ничем не могу вам помочь. Поищите в кругу своих знакомых подходящего отца. Я бы теперь попросил вас... – сказал Мануэль: он уже пришел в себя.

Ева сделала шаг навстречу и положила руку доктору на плечо.

– Круг моих знакомых... – Она понизила голос. – Круг моих знакомых не оправдал моих надежд. У меня в прошлом три прерванные связи, три, теперь мне тридцать пять лет, и я хотела бы иметь ребенка.

Мануэль снял с плеча руку Евы:

– Послушайте, я действительно не понимаю, почему вы обратились именно ко мне, к человеку, с которым вы даже не знакомы...

– Вот именно, – усмехнулась женщина и снова положила руку Мануэлю на плечо, – мне нужен такой отец, которого бы никто не знал. Но не первый встречный. Вы были на конференции, я там была переводчицей, и как только я увидела вас – я сразу поняла: это он. Я пошла за вами на вокзал, но, к сожалению, не смогла догнать. И вот теперь я здесь.

Мануэль снова высвободил плечо и сделал два шага за столиком, на котором рядом с его расписанием лежали иллюстрированные журналы «Семья в Швейцарии» и «Гео».

– И все-таки, фрау Вольф, все это очень странно... как вы вообще меня нашли?

– Вы мой четвертый адрес в Цюрихе, – заявила женщина с усмешкой. – Первые трое ваших коллег, впрочем, были единомышленны в том, что со слухом у меня все в порядке. Я продолжала бы искать до тех пор, пока бы не нашла вас.

– Вот как?

– Я бы хотела вам еще кое-что сказать. Я знаю, что вы женаты. В мои планы не входит разрушить вашу семью. И речь не идет о том, чтобы вступить с вами в случайную связь, не говоря уже о длительных отношениях. Я больше не хочу никаких отношений, для этого я слишком разочарована. Я хочу только отца для своего ребенка. Как только я забеременею, ни вас для меня, ни меня для вас больше существовать не будет. Я не предъявляю к вам никаких

требований, в этом вы можете быть уверены. Я исчезну из вашей жизни навсегда. Я буду одна воспитывать ребенка, и он никогда не узнает, кто его отец.

– Вы же понимаете, что вы просите о чем-то невозможном.

– Почему о невозможном? Я прошу вас о ребенке.

– Я считаю, что вы ищете скорее быка-производителя.

– Но не ждать же мне чуда, я не Матерь Божья.

– Лучше дождитесь мужчины, который вам понравится.

– Я его уже дождалась, – сказала Ева; она быстро обошла вокруг столика, взяла Мануэля за плечи, прижалась щекой к его щеке и, почти не дотрагиваясь до него, скользнула ладонями по его бедрам.

Доктор Мануэль Риттер от неожиданности на мгновение застыл на месте, не пытаясь сопротивляться, и в это мгновение он вдруг превратился в безымянного мужчину, который впервые в своей жизни встретил женщину. Ее волосы, ее кожа, ее дыхание, ее близость, ее голос, ее слова – все это вместе подействовало на него как волшебство, до конца поглотившее его. Когда Ева стянула с него белый халат, доктору показалось, что в прошлом у него ничего не было, в ушах зазвенело, словно его голова превратилась в колокольню. Дрожа, Мануэль взял Еву за руку, прошел вместе с ней, как в замедленной съемке, в комнату, которая до сих пор называлась его кабинетом, и плотно закрыл за собой дверь.

5

Он никак не мог понять, что случилось.

Еще около восьми вечера он ехал на машине домой по Зеештрассе.

Это было настолько чуждо Мануэлю, что он никак не мог все соотнести все, что случилось, со своей собственной персоной. Или это был не он, а кто-то другой, который вцепился в эту женщину, так бесстыдно вторгнувшуюся в его жизнь? В какой мрачной пещере скрывался этот другой, чтобы внезапно выскочить оттуда и свести Мануэля с пути истинного, с этой нормальной стези, ведущей его к своей вершине через аттестат зрелости, военную службу, высшую школу, женитьбу, рождение первого ребенка, ординатуру, рождение второго ребенка, свою собственную практику и свой собственный дом?

Порой в мечтах Мануэль уже видел себя главным врачом, но и без этого он был доволен своим нынешним положением. Заимев собственную практику, Мануэль с рвением отдавался работе, которую он получил после долгих лет учебы, более того, он гордился тем, что теперь он один несет ответственность за здоровье обратившихся к нему пациентов.

Он не мог даже поверить, что способен на подобный неконтролируемый взрыв чувств, можно было подумать, будто он несчастлив с Юлией.

Юлия! Она была второй женщиной в его жизни.

Майя... Дружба с ней длилась с последнего года кантональной школы до третьего курса института. Майя изучала политологию, и, когда девушка отправилась на год в Америку, их отношения не выдержали испытания временем, в Бостоне Майя влюбилась, осталась там и вышла замуж за американского юриста, с тех пор Мануэль ее больше не видел.

С Юлией он познакомился на вечеринке у своего младшего брата, его тогдашняя подруга изучала романистику, Юлия оказалась подругой этой подруги, она тоже изучала романистику, и на момент их встречи она пережила свою первую любовную историю, закончившуюся разрывом.

Тогда молодые люди станцевали разок и потом, сидя на подоконнике, долго о чем-то беседовали.

Маленькая симпатичная женщина с распущенными волосами, которая была одновременно веселой и меланхоличной, не выходила у Мануэля из головы, и через два дня после этой встречи он спросил адрес Юлии у своего брата и его подруги. Молодые люди встретились несколько раз. Юлия была поначалу сдержанной, но постепенно они сблизились. Вопрос о том, любили ли они друг друга, даже не вставал.

Как давно это было? Девять или десять лет назад. Юлия получила ученую степень, Мануэль стал доктором. Затем они поженились, появились дети. Юлия не прекращала, если не считать отпуска по рождению ребенка, преподавание на полставки итальянского и испанского в кантональной школе Ветцикона.

Ни разу Мануэль за все эти годы не позволил себе близких отношений ни с одной другой женщиной. Не то чтобы он был бесчувствен, близость женщин, с чем он ежедневно сталкивался на работе, конечно, была ему приятна. Когда Мануэль обследовал их уши и носовые полости, расстояние от его тела до тела пациентки было настолько минимальным, что он не мог избежать запаха ее волос и ее кожи, скоро он научился отличать аромат дешевых духов от изысканных, и при этом он часто не мог отвести взгляда от прекрасной груди, однако Мануэль не позволял никакой фривольности, не говоря уже о попытке сблизиться. У него просто не возникало такой потребности, к тому же он не мог себе представить, как это вообще можно для подобного воспользоваться своим положением врача.

Было известно, что у заведующего отделением в клинике, у которого он был ассистентом, отца троих детей, есть еще любовница, медсестра из того же отделения, и вот еще его

друг Цильман, уролог, недавно сделал намек, который можно было понять как признание в порочной связи, но Мануэль никогда не мог взять в толк, как можно завести тайные любовные отношения, будучи в браке.

Теперь сразу и вдруг он понял это. Все оказалось гораздо проще, чем он предполагал. Стоит только натолкнуться на женщину, искательницу приключений, найти с ней укромное местечко, где можно будет предаться страсти, и затем снова разойтись в разные стороны. И это укромное местечко найти не так уж трудно, если у тебя есть свой частный кабинет.

Но стоп, здесь было совсем иное дело. Ева могла быть нежной, страстной, даже ненасытной, но это было не приключение, не этого она желала. Она хотела – и Мануэль это точно понял, лишь когда это с ним уже произошло, – только ребенка. Надо надеяться, и Мануэль надеялся, что из этого ничего не выйдет. Ребенок по заказу... подобное редко получается с первого раза. Она даст о себе знать, сказала Ева, если захочет с ним встретиться еще, это, конечно, было бы прекрасно, добавила она тогда.

Я должен позвонить ей, подумал Мануэль, и сказать, что я больше не должен ее видеть. Юлия – моя жена и мать моих детей, это все. Он был весь на нервах и мог успокоить себя только одной мыслью, что это будет единственной ошибкой в его жизни. Однако, спросил он сам себя, есть ли у него вообще адрес Евы или хотя бы номер телефона? Он только тут опомнился, что не спросил у нее ни того, ни другого, настолько он был тогда растерян.

Перед Мануэлем скопились машины, все бегут из Цюриха в райские сады правобережья, и сейчас должна слева появиться полоса, ведущая на Эрленбах; Мануэль обогнал последнюю машину колонны, стремясь дальше к стрелке поворота, достаточно быстро, чтобы девушку, которая на мопеде пыталась съехать на другую сторону дороги, протиснувшись между двумя машинами, отбросило на капот его машины, когда ее мопед ударился о дверцу машины, стоящей рядом. Мануэль резко затормозил, девушка упала перед ним на асфальт и осталась лежать без движения.

Мануэль выключил мотор, закрыл на мгновение глаза и уперся лбом в баранку руля. Затем он открыл дверцу, склонился над девушкой и понял, что сейчас ему придется снова стать врачом «скорой помощи».

Высунувшаяся из окна женщина сообщила, что она уже позвонила в полицию, последний водитель вставшей колонны жестами остановил подъезжавшие машины, позади Мануэля встал автомобиль, из которого тут же выбежал человек с аварийным знаком, чтобы поставить его посередине улицы.

Девушка не приходила в сознание, она была без шлема. Кроме ссадин на руках, не было видно никаких других повреждений, во всяком случае, ее зрачки реагировали, когда Мануэль приоткрыл ей веки. Он переместил бедняжку на обочину, она дышала ровно. Женщина из окна сообщила Мануэлю, что уже вызвала машину «скорой помощи».

Затем все пошло тем порядком, с которым Мануэль был знаком еще со времени своей службы в «скорой помощи».

Движение было серьезно нарушено, полиции пришлось отключить светофоры и регулировать вручную проезд по одной из полос, несчастный случай был запротokolирован, дама, которая ехала рядом с ним, и водитель шедшей сзади машины были опрошены как свидетели, с хозяйкой поврежденного автомобиля он обменялся адресами, заверив ее, что он возьмет на себя издержки за ремонт, если страховка пострадавшей их не покроет. Когда на месте происшествия появился прокурор окружного суда, на асфальте можно было увидеть лишь очерченный мелом абрис тела девушки, ее уже отвезли с синей мигалкой в районный госпиталь в Меннердофе. Машина Мануэля затормозила на повороте, но тормозной след начинался раньше и показывал, что он проехал разделительную линию. Поскольку эта линия уже прервалась, скорее всего, виновницей происшествия признают девушку. Мануэль попросил даму в окне

позвонить ему домой и сообщить, что он из-за дорожного происшествия будет дома позже, но с ним все в порядке.

Когда он после девяти часов поднялся по лестнице гаража и вошел в дом, там стояла встревоженная Юлия, державшая сына на руках.

– Папи бумм! – крикнул Томас.

– Да, – ответил Мануэль, глубоко вздохнул и снова с силой выдохнул воздух: – Папи бумм.

6

Юлия была расстроена.

С тех пор как ее муж два дня назад наехал на шестнадцатилетнюю девушку, он выглядел подавленным и был более раздражительным, чем обычно. В госпитале выяснилось, что у пострадавшей не просто сотрясение мозга, у нее оказались поврежденными еще и кости черепа, но обошлось без внутренних осложнений и она идет на поправку. Мануэль навестил девушку и принес ей букет цветов. Решение окружного суда еще не было вынесено, но с учетом того, что девушка неожиданно въехала между двух стоящих машин, не обращая внимания на разделительную полосу, было совершенно ясно, что вины Мануэля здесь нет. «Тебе действительно не стоит себя упрекать ни в чем», – успокоила мужа Юлия, заметив, что его тревожное состояние слишком затянулось.

Ему было весьма не по себе оттого, что с ним случилось это происшествие, в результате чего пострадал человек. Было это ужасно, ведь, пусть и невольно, он нанес серьезный вред здоровью молодой девушки.

Тем не менее Мануэль не собирался теперь ездить на работу поездом и трамваем, как ему советовала Юлия. Его кабинет находился на другом берегу озера, в Цюрихе-Воллисхофене, общественным транспортом пришлось бы добираться очень долго, потому ему нужна была машина, да и всегда лучше пользоваться ею постоянно, чтобы не терять форму, аргументировал он.

Но он же должен понимать, возражала Юлия, что с ним в любое время может снова произойти что-то подобное, быть может, даже с более трагическими последствиями.

– Согласно статистике, – нашелся Мануэль, – я буду в ближайшее время в безопасности.

– Ты знаешь, что я думаю о статистике, – отрезала Юлия.

– Без статистики наука не может идти вперед, – стоял на своем Мануэль.

Юлия не решилась высказать свое оценочное суждение о науке. Она знала по опыту, что наступает момент, когда разговор лучше прекратить.

Теперь она сидела в учительской кантональной школы в Ветциконе и пила кофе. У нее был перерыв в занятиях. После урока итальянского в выпускном классе ей предстоял еще урок испанского. Испанский язык не был обязательным предметом, его выбирали добровольно, и потому ученики, приходившие на занятия, в большинстве своем занимались с охотой. Сегодня был урок для начинающих, и Юлия собиралась объяснить несколько основных правил испанской фонетики, перед ней лежала сводная таблица, которую она раньше подготовила для занятий. Но ей никак не удавалось сконцентрироваться на занятии.

Мануэль... Юлия спрашивала себя, знает ли она его вообще. Это было впервые, когда некое событие надолго вывело его из себя. До сих пор он уверенно шел своим путем, Юлия даже порой завидовала мужу. Они познакомились, когда Мануэлю предстоял государственный экзамен, он готовился к нему хотя и интенсивно, но без того страха, который был знаком ей и ее коллегам, – страха, будто ты недостаточно знаешь именно то, о чем тебя обязательно спросят на экзамене, и это заставляло Юлию корпеть по ночам над учебниками и зубрить, зубрить, зубрить...

И свою диссертацию Мануэль написал, не прибегая к ее помощи при переписке набело, все свои должности, от врача «скорой помощи» до ассистента ведущего отоларинголога, он принимал с бесстрашием, казалось, что Мануэль обладал определенным запасом оптимизма, которого так не хватало Юлии.

– Хорошо, так мы и сделаем! – Это было его любимое выражение, которым он припечатывал любое свое решение, будь то покупка дома или переход на другую работу.

И то и другое было связано с риском, что заставляло бы Юлию еще долго размышлять, но Мануэль нередко бывал способен быстро превращать вопросительный знак в восклицательный.

Тем не менее он не принадлежал к тем людям, которые постоянно выставляют напоказ свое хорошее настроение, как, скажем, ее коллега Имбах, преподаватель английского. Когда тот входил в учительскую, у Юлии всегда возникало такое чувство, что ей необходима защита от его веселости, как от заразной болезни.

Юлия впервые увидела Мануэля на вечеринке у его брата, и этот неуклюжий, долговязый студент-медик, у которого разделенные на пробор волосы вечно спадали на лоб, странным образом привлек ее внимание, его неловкие манеры и в то же время легкая ирония, вовсе не пренебрежительная к собеседнику, понравились девушке, и несколько дней после этой встречи она часто вспоминала о новом знакомом, пока не решилась попросить свою подругу узнать через брата Мануэля его адрес. Первый звонок Мануэля она запомнила навсегда: она набирала номер Мануэля и вдруг прервалась. Девушка положила трубку, и тут раздался звонок.

Собственно, тогда Юлия не хотела никаких отношений с мужчинами. Ее дружба с Джулиано была внезапно прервана по его, не по ее вине. Это короткое письмо и сейчас у нее перед глазами, и еще сейчас она чувствует обиду от его слов. Она ему нравится, но он больше не может с ней встречаться. Ни слова о причине. Никакого объяснения, никакого прощания. Это вовсе не из-за нее, да и нет вообще никакой причины, сказал Джулиано ей по телефону.

Причину Юлия узнала неделей позже. Когда она выходила из кафе «Селект», Джулиано тащил под ручку миловидную, стройную блондинку с конским хвостом по направлению к ресторану «Терраса».

Ее родители тогда вздохнули с облегчением. Они опасались, что дружба с студентом-экономистом перейдет в длительную связь, а это не совсем то, чего бы они желали для своей дочери. Родители Джулиано переселились в Швейцарию в пятидесятые годы, его отец работал механиком в Бюрле, а мать служила в фирме по уборке квартир, и они гордились тем, что могут обеспечить образование обоим сыновьям. Юлия познакомилась с Джулиано на университетском балу. Когда он узнал, что девушка изучает романистику, то стал говорить с ней только по-итальянски, хотя вполне владел швейцарским немецким, и это поначалу было не больше чем забава, но со временем это превратилось для Юлии в привычку, для нее эта смена языка была чем-то вроде заговора, ведь, встречаясь со своим другом, она как бы переходила в другой мир, который принадлежал только ей и ему. После разлуки с Джулиано девушка не сразу смогла снова начать относиться к итальянскому языку как к обычному учебному предмету.

История с предыдущим мужчиной, ее первым мужчиной, была для Юлии скорее вспышкой взаимного сексуального любопытства, возникшей после окончания школы во время путешествия на юг Франции, которая тлела еще некоторое время потом, но девушка сама своевременно ее потушила, заметив, что это угрожает превратиться в привычку. Хайнц, молодой человек с большими темными глазами, уехал потом во Фрайбург изучать историю.

К Мануэлю ее родители сразу отнеслись хорошо. Человек, который не просто врач, но и швейцарец по происхождению, отец которого тоже врач и тоже швейцарец... Тут у отца Юлии, адвоката, не было никаких вопросов, и только мать спросила дочку однажды, когда дело уже шло к свадьбе, будет ли у Мануэля достаточно времени для семьи. На это Юлия ей тогда ответила, что об этом она сама позаботится и что для нее самой этот вопрос остается открытым, будет ли у нее самой достаточно времени для семьи. Она сказала так еще и потому, что ее мать в свое время, будучи учительницей, оставила работу, чтобы посвятить себя уходу за двумя детьми и своим мужем, которому как раз никогда не хватало времени на семью, и женщина опасалась, что этого можно ожидать и от ее будущего зятя.

Во всяком случае, пока дети еще маленькие, Юлия была чрезвычайно довольна своей матерью, к ней она могла отвести малышей, когда ей надо было в школу. Фелланден находился, можно сказать, на пути в Вецикон, и Томасу и Мириам нравилось бывать у бабушки, которая превратила бывшую комнату Юлии в детскую. Кроваткой Мириам стала прежняя детская кроватка Юлии. А Томасу досталась кровать взрослой Юлии, тяжелое изделие из орехового дерева; она ее ненавидела. По ее краям бабушка теперь соорудила защиту, чтобы внук не выпал из кровати, она унаследовала ее в свою очередь от своей бабушки. Это так называемые крылья. Когда Томас рассказывал, что он ночевал у бабушки, которую он называл «мамимами», он не забывал упомянуть: «С крыльями».

Позавчера Томас, находясь у бабушки, нарисовал несколько картинок, которые явно изображали сцену дорожного происшествия. Машина врезалась в беспорядочную толпу, в то время как ее колеса вместе с каким-то головоногим моллюском вращались в воздухе. На другом листе моллюск уже лежал на земле, и рядом в замешательстве стоял человек. А на следующем рисунке появилась машина «скорой помощи», ибо чем еще мог быть большой синий шар над квадратом с двумя колесами, внутри которого лежал распростертым все тот же моллюск.

Странно, что Мануэль попросил Юлию ничего не говорить ее родителям об этом происшествии. Но запечатленные их трехлетним сыном протоколы не оставили ей иного выбора, и Мануэль был очень расстроен, когда жена ему об этом рассказала.

Он был вообще очень странным все это время. Он якобы не в настроении, объяснил он Юлии вчера ночью, когда она в постели попыталась притянуть мужа к себе. Обычно это бывало со стороны Юлии, когда она от усталости говорила мужу «нет». И когда у нее самой снова проснулось желание, Юлия обрадовалась: ей совсем не хотелось прослыть фригидной женщиной.

Или Мануэль тогда действительно здорово превысил скорость и потому чувствовал себя виноватым, или он думал по дороге о чем-то другом и из-за этого среагировал слишком поздно? Но о чем таком он мог так напряженно думать, что так занимало его? Юлии не терпелось расспросить мужа об этом.

– The rain in Spain stays mainly in the plane! – произнес коллега Имбах задорно и громко, заглядывая в записи Юлии.

– Не пугай меня так, – сердито ответила Юлия.

Снова вернувшись к своим записям, она поднесла к губам чашку с остывшим кофе.

7

Прошел почти месяц с того случая. Мануэль постоянно был вынужден мысленно возвращаться к этому странному событию и никак не мог привести его в соответствие со всей своей прожитой жизнью. Он был сбит с толку, и это его раздражало.

Когда у него прежде случалась любовь, к Майе, к Юлии, он не испытывал никаких сомнений. С любовью появлялась ясность, которая не требовала никаких толкований. Но на этот раз, очевидно, было что-то совсем иное, что-то для Мануэля чуждое, что сбilo его с пути, как вихрь с ясного неба, и опрокинуло навзничь, и он до сих пор все еще никак не может подняться.

Возобновление постельных отношений с Юлией удалось Мануэлю без труда, это доставило ему даже какие-то новые, приятные ощущения, после чего он пришел к заключению, что супружеских объяснений лучше всего избегать.

Если он забудет об этом, сказал он себе, то и Юлии это никак не будет касаться. То, что он любит Юлию, не подлежало сомнению, и Мануэль ни в коем случае не хотел бы ее ранить.

Но вот забыть... Забыть он никак не мог.

Иногда, когда кто-нибудь из его помощниц по практике, фрау Ризен или фрау Лежен, переключали на него чей-то телефонный звонок, Мануэль ожидал услышать голос Евы, и он не понимал, боится ли он этого или, наоборот, желает. Что он ей скажет, если женщина попросит о новой встрече, он уже давно решил. Ясно, что никакой новой встречи больше быть не должно.

Даже и в том случае, если Ева однажды вечером вдруг снова появится в его приемной под видом пациентки, что Мануэль уже многократно представлял в своем воображении, он проявит себя зрелым мужем и ответственным отцом, который с достоинством, но твердо потребует прекратить эти отношения, ведь их бесперспективность была с самого начала ясна им обоим.

В то же время Мануэль должен был себе признаться, что в нем жила некая надежда увидеть Еву снова, и он с трудом себе представлял, как это произойдет, он просто чувствовал, чем дольше он ничего не слышал о Еве, тем напряженнее становилось ожидание. При этом Мануэль понимал, что ему ни в коем случае не следует, видаться с Евой, ведь она хотела не тайного приключения с ним, она хотела от него ребенка, но на такое бесцеремонное требование он никак не должен был отвечать согласием – это могло коренным образом изменить его жизнь. Матерью его детей, это Мануэль повторял себе постоянно, является Юлия, и подобный удар она бы не вынесла, в этом он был уверен. Жена бы тогда непременно развелась с ним, Мануэль не мог себе представить иной реакции от такой женщины, как Юлия. Ему бы пришлось покинуть дом в Эрленбахе и превратиться в одного из папаш выходного дня, которых он иногда встречал на пляже. Свою вину перед детьми они пытались искупить глупыми ужимками и ванильным мороженым, иногда преувеличенно радуясь любым шалостям своего отпрыска, иногда таскаясь за ним по пятам с понурым видом.

Итак, Мануэлю было ясно, чего он хочет. До сих пор он делал в своей жизни только то, что сам хотел. Но тут появился на его жизненной сцене некто, вполголоса заговоривший из-за кулис, однако этого было достаточно, чтобы заглушить монолог благородного исполнителя главной роли.

Не превратился ли ты в меланхолика с твердым убеждением, что последующие двадцать лет заранее запрограммированы, вплоть до того, как два твоих маленьких монстра станут большими монстрами, которым ты еще будешь оплачивать учебу? – спрашивал Мануэль себя. Почему бы не приобрести что-то себе на благо, только себе одному? Своя тайна? Ведь она доставила тебе удовольствие, разве не так? – размышлял Мануэль. Стимулирует супружеские отношения, как ты мог убедиться. Ни один человек не идеален на сто процентов, и моногамия в природе наблюдается только у черных горных галок.

Тут прокаркал этот некто из-за кулис голосом птицы, чтобы высмеять его, и Мануэлю показалось, что он действительно услышал этот голос. Он постучал себе кулаком по лбу, чтобы вернуться к действительности: он сидел один в своем кабинете, последний пациент давно ушел.

О чем этот некто не говорил ни слова, так это о ребенке, как будто это было заботой только Евы, его это не касалось, но Мануэль понимал, что этот вопрос как раз является главным и о нем не стоит забывать...

В телефонной книге Базеля Мануэль не нашел никакой Евы Вольф, он уже размышлял, не узнать ли руководителей конференции данные переводчицы, но тут же отказался от этого – ему не пришло в голову ни одного повода, который бы не показался подозрительным. Мануэлю не оставалось ничего другого, как ждать, когда Ева сама объявится снова.

Когда зазвенел звонок, он извлекал пробку из уха последнего в этот день пациента. Он делал это обычно при помощи клистир-шприца, концентрированная водяная струя под давлением изливалась из канюли и обычно уже с первого раза размывала загустевшую ушную серу. При этом врач просил пациента самому держать под ухом почкообразный тазик для стекания воды вместе с содержимым ушного прохода.

– Извините, пожалуйста, – сказал он посетителю, так как телефон не умолкал, и подошел к столу с пустым уже шприцем в правой руке.

– Это срочно? – спросил он фрау Ризен, когда он снял трубку.

– Да, – сказала та, – некая фрау Вольф.

Мануэль нажал кнопку ноль и произнес: «Да?»

– Это я, Ева.

– Скажите, могу я перезвонить вам? У меня сейчас пациент.

– Это не обязательно, я только хочу сказать вам, что все удалось.

– Но...

– Ничего страшного. Я прощаюсь и ухожу из вашей жизни. Вы больше обо мне не услышите. И я вам очень благодарна.

Шприц выпал из руки Мануэля и откатился от стола. Мануэль сделал два шага и наклонился за ним с трубкой в руке, телефонный аппарат перевесился через край стола и упал на пол, из его мембраны раздался сигнал «занято».

Мануэль выпрямился и уставился на своего пациента, машиниста локомотива, который все еще держал тазик с под ухом и с удивлением смотрел на него.

– Могу я это убрать? – спросил он.

– Да, конечно, – сказал Мануэль, – прошу прощения.

Он сжал трубку между плечом и ухом, поднял аппарат и поставил его на место. Потом он нажал кнопку вызова «один» и спросил свою помощницу, на проводе ли еще фрау Вольф. Нет, она уже отключилась.

– Если она еще раз позвонит, соедините меня, пожалуйста, с ней, – попросил Мануэль. Однако она больше не позвонила.

Мануэль поднял шприц и положил его на столик с инструментами.

Машинист локомотива держал тазик перед собой на коленях и разглядывал его содержимое – то, что мешало ему хорошо слышать.

– Следует ли мне чаще прочищать уши? – спросил он.

– Нет, господин Ребзамен, ваш ушной канал просто немного был воспален, – услышал Мануэль голос доктора Риттера.

Потом он увидел, как доктор Риттер еще раз вставил воронку в ухо пациенту, заглянул туда и спросил, слышит ли он теперь лучше, и посоветовал прийти снова, как только тот почувствует, что образовалась пробка. Он стоял рядом, когда доктор Риттер кратко обсудил со своей улыбающейся помощницей отчет о медицинском страховании инвалидов и свой распорядок на завтра и наконец отпустил ее в вечернюю мглу.

Только тогда он обнаружил себя сидящим за столом, уткнувшим подбородок в ладони. Он уставился на репродукцию картины Холдера «Женевское озеро», которая висела на стене. За озером сквозь облака вздымался Монблан.

Легкий звук прямо перед ним, на столе, и еще раз. Что-то скатилось на отчет о пациентах. Мануэль взглянул на желтую бумагу и увидел две капли.

Он достал носовой платок и вытер глаза.

Приходилось ли ему плакать, когда он стал взрослым?

Да, тогда, когда он получил сообщение о свадьбе Майи.

И вот опять из-за женщины. Мануэль не сомневался в том, что больше никогда не увидит Еву. Эта женщина точно знала, чего она хочет, она не пойдет ни на какие компромиссы.

А Мануэль вдруг почувствовал, что с огромной радостью увиделся бы с Евой еще, и он не мог объяснить себе зачем.

Его взгляд остановился на кушетке, которой он в последний раз воспользовался, когда одной из пациенток стало плохо. Как странно, что именно здесь все и случилось, когда он поддался неконтролируемой страсти. И как ужасно, что это возымело последствия! Он станет отцом ребенка, которого он никогда не увидит, а Томас и Мириам станут его сводными братом и сестрой. И что теперь? Искать Еву? Для какого-нибудь частного детектива это точно бы не составило труда. И потом? Потребовать у женщины объяснения? Но в чем? Разве он не проявил молчаливое согласие? Может быть, то, что он уже начал? Но ведь они даже не перешли на «ты» во время объятий, такими чужими друг другу они были. Нет, надо не искушать себя этим страстным желанием, сказал себе Мануэль, а исцелиться от него, и он знал, что для этого есть только один способ: он должен истребить свою страсть, как колонию бактерий. Если бы существовал антибиотик против чувств, он бы начал его глотать. Два раз в день.

А Юлия? Должен ли он теперь откровенно ей все выложить?

У Мануэля не хватало опыта такого рода.

В его семье предпринималось все возможное, чтобы избегать откровенных разговоров. Когда одна из сестер его отца развелась с мужем, это долго держалось в тайне от Мануэля и от его брата. Дядя Бернхард в заграничной командировке, так было объявлено официально. Лишь когда Мануэлю было уже десять или одиннадцать лет, он случайно услышал, как его мать говорила по телефону с тетей Эрной об этом разводе, тогда ей пришлось рассказать детям правду, неохотно, заикаясь, словно о чем-то страшно постыдном. Но и это ничего не изменило в отношениях в семье.

Были ли у его родителей во время брака какие-нибудь любовные истории? Оба они еще живы, им уже за семьдесят, но Мануэль считал для себя невозможным спросить мать или отца о чем-нибудь подобном.

Мануэль попытался переключиться на что-нибудь позитивное.

По крайней мере, девушка, получившая перелом черепа, шла на поправку, дело о нанесении ущерба здоровью по неосторожности было прекращено, и издержки по ликвидации последствий аварии должна будет понести страховая компания девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.